

В. И. Ламанский

Живая старина

Выпуск 1. Год 5. Издание 1897 года

УДК 304
ББК 60.5
Л21

Л21 **Ламанский В.И.**
Живая старина: Выпуск 1. Год 5. Издание 1897 года / В. И. Ламанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 132 с.

ISBN 978-5-4241-6599-3

ISBN 978-5-4241-6599-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТДѢЛЪ I.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Чудской край (Олонецкой губ., Лодейнопольскаго уѣзда) въ 1894 г.

Въ нынѣшнемъ 1894 году мѣстомъ для этнографическихъ наблюдений я избралъ Чудской край Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Мой путь въ намѣченный край лежалъ чрезъ Лодейное-Поле, городъ когда-то извѣстный, служившій мѣстомъ выполненія нѣкоторыхъ гениальныхъ замысловъ Петра. Во время извѣстнаго своего путешествія изъ Архангельска до устья Свири Петръ восхитился изобиліемъ и ростомъ первобытныхъ лѣсовъ, растущихъ въ этихъ мѣстахъ; и близъ деревни Мокршивицы, гдѣ теперь стоитъ городъ Лодейное-Поле, въ 1702 году заложилъ корабельную верфь, назначивъ начальникомъ ея поручика Меньшикова. Здѣсь выстроены были—походный храмъ и дворецъ на время пребыванія Петра на верфи, а въ 1703 г. строились уже корабли. Петръ понималъ всю важность быстроты работы, часто понукалъ въ письмахъ своихъ Меньшикова; натура его не выносила откладыванія дѣла въ долгій ящикъ; онъ самъ первый показывалъ примѣры энергии и трудолюбія; огромныя деревья были свезены на сосѣднее поле, за сѣянное рожью; изъ Олонца, Каргополя, Вѣлозерска и Пошехонья явились рабочіе; Петръ самъ пріѣхалъ въ Лодейное поле, заложилъ собственноручно 6 фрегатовъ и 9 шнявъ и въ сентябрѣ 1703 г. возвратился въ Петербургъ на первомъ построенномъ на Лодейнопольской верфи фрегатѣ «Штандартъ», который и былъ первымъ русскимъ кораблемъ, вышедшимъ подъ императорскимъ флагомъ черезъ Ладогу и Неву въ Балтійское море (Майковъ. Обонежье и Кореда). Безъ сомнѣнія, въ тѣ далекія времена г. Лодейное-поле было болѣе дѣятельно, болѣе оживлено, чѣмъ теперь представляется всякому новопріѣзжему. Въ настоящее время онъ состоитъ изъ какой-нибудь сотни маленкихъ деревянныхъ домишекъ, и вся былая жизнь его перешла въ конечные пункты Свири—Вознесенье и Сермаксу. Лодейное-поле теперь ни болѣе ни менѣе, какъ промежуточная станція для судовъ и пароходовъ, направляющихся въ Петербургъ. Отъ прежнихъ историческихъ воспоминаній не осталось

почти ничего, за исключеніемъ только нѣсколькихъ деревянныхъ тумбъ, окрашенныхъ зеленой краской, съ прибитыми къ нимъ безграмотными надписями: на сихъ мѣстахъ была церковь Петра... или — на сихъ мѣстахъ жилъ Петръ... Да еще сохраняется неуклюжій обелискъ, сооруженный частнымъ лицомъ, которое отдало этимъ дань удивленія предъ энергическою дѣятельностью Петра; на обелискѣ съ боку вставленъ медальонъ съ барельефнымъ изображеніемъ императора; на верху придѣланъ двуглавый орелъ, а внизу витѣватая надпись: «Да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный простымъ усердіемъ воздвигаемый памятникъ»...

Городъ мертвъ, молчаливъ, скученъ и бѣденъ такъ, какъ могутъ быть бѣдны только уѣздные города убогой Олоніи. Здѣсь рѣшительно нѣтъ никакихъ заработковъ, никакихъ промысловъ, полное отсутствіе всякой заводской и фабричной дѣятельности. И городскіе жители — мѣщане, кой-какъ перебиваясь на какихъ-то аферахъ, чистыхъ пустякахъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе бѣдняютъ и накапливаютъ въ своей груди желчи и недовольства противъ своего роднаго городка, и отводятъ сердце въ бесѣдѣ съ случайнымъ проѣзжимъ, не стѣняясь при этомъ въ выразительныхъ фразахъ и сильныхъ выраженіяхъ.

«Будь онъ — анафема, трижды проклятъ, безпутный нашъ городишка», ругался въ моемъ присутствіи Лодейнопольскій мѣщанинъ, — «да и народъ-то нашъ какой-то безмозготой... Вотъ Олончане (жители г. Олонца и его окрестностей), однимъ словомъ — кореляки; а поди-ка... телѣгу ли сдѣлать, санки ли смастерить, шляпу ли изъ соломы сплести... да лучше его нѣту: сейчасъ все поймешь и переймешь. А у насъ — хоть бы что, ничего не родится... Придется, кажется, ничего не подѣлаешь, въ деревню ѣхать да въ крестьяне записываться».

И дѣйствительно, своими глазами видѣлъ нѣсколько домишекъ на окраинѣ города, наглухо забитыхъ досками, жители которыхъ, вѣроятно, куда-то выселились на новыя мѣста, ища себѣ болѣе счастливой жизни.

Развитіе города, — если только оно еще есть, — идетъ такимъ медленнымъ курнымъ шагомъ, что въ полустолѣтній періодъ времени не замѣтишь въ его жизни никакихъ измѣненій. Жизнь здѣсь идетъ постоянно неизмѣннымъ порядкомъ, по разъ намѣченной колѣѣ, и никакихъ улучшеній, никакихъ усовершенствованій не наглядѣлъ бы здѣсь самый зоркій, пристальный взглядъ.

Единственный, буквально единственный фонарь, прибитый къ воротамъ полицейскаго управленія, скупо освѣщаетъ фасадъ угрюмаго зданія; остальнымъ же улицамъ предоставлено тонуть въ безпосвѣтной темнотѣ, особенно въ осеннія ночи; и потому, рассказывали мнѣ, мѣстные религіозные старики

и старушки ходятъ ко всенощнымъ и утрениамъ съ фонарями въ рукахъ. 2—3 лавченки, торгующія мукой, лукомъ, чеснокомъ, столярнымъ клеемъ и постнымъ масломъ,—вполнѣ удовлетворяютъ неприхотливымъ вкусамъ обитателей. Нѣтъ ни извозчиковъ, ни гостинницъ для прїѣзжихъ, ни уличной мостовой, не говоря уже о другихъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ родѣ телефона и электричества, которыя, встати сказать, уже годъ-другой какъ сдѣлались достояніемъ такихъ маленькихъ финскихъ городовъ, какъ Кексгольмъ и Сердоболь.

А что въ Лодейномъ-полѣ поражаетъ каждого новопрїѣзжаго, такъ это обиліе всевозможныхъ присутственныхъ мѣстъ и обиліе чиновниковъ. На каждомъ болѣе или менѣе порядочномъ домѣ, который еще отъ ветхости не согнулся, какъ старушка, и въ которомъ цѣлы еще всѣ оконныя стекла,—непремѣнно вы увидите вывѣску. Тамъ—уѣздное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, тамъ—уѣздная управа, тамъ—полицейское управленіе, воинское присутствіе, почтовая контора, тамъ еще и еще вывѣска и, наконецъ, какой-то «сиротскій судъ», занимающій длинное неуклюжее зданіе, не обшито тесомъ. Такое обиліе всевозможныхъ Госуд. учрежденій естественно породило и многочисленный контингентъ служащихъ—чиновниковъ. Ихъ вы замѣтите въ любое время дня входящими и выходящими шумной толпой изъ своихъ присутствій, съ взбитыми на затылокъ форменными фуражками, съ прицѣпленными къ нимъ на лету кокардами. «Господи, да какъ ихъ много», невольно скажетъ всякій прїѣзжій, пораженный такою ихъ многочисленностью,—«да тутъ служащихъ должно быть гораздо больше, чѣмъ остальныхъ жителей, не занимающихъ никакой государственной должности».

Изъ Лодейнаго-поля я поѣхалъ далѣе въ Чудской край, по направленію къ рѣкѣ Ояти, гдѣ жила и живетъ понынѣ «бѣлоглазая Чудь».

«Вамъ на Русковицы (одинъ изъ ближайшихъ приходоу въ Лодейному полю, въ 35 верстахъ отъ города) значить надоть ѣхать?» — говорилъ лодейнопольскій мѣщанинъ, котораго я нанималъ въ извозчики до ближайшей станціи.

«Вамъ, значить, на «смычкахъ» гдѣ-быть способнѣй будетъ; дорога теперь больно ужъ плоха, и на телѣгѣ пожалуй не проѣхать будетъ. Такъ, я вамъ «смычки» припрягу»...

Смычки... я почему-то увѣренъ, мм. гг., что нѣкоторымъ изъ слушателей не только не приходилось ѣздить, но даже и слышать о такого рода экипажѣ, который между тѣмъ широко распространенъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ и является здѣсь почти незамѣнимымъ. Представьте себѣ двѣ длинныхъ оглобли, припряженныхъ одними концами къ лошади, какъ припряга-

ютъ обычно оглобли дровней или какого -нибудь другаго экипажа. Задніе концы ихъ тацатся по землѣ, опираясь въ нее; къ этимъ оглоблямъ прикрѣпляются гибкими ивовыми прутьями или просто верѣвками—перекладины; на нихъ кладутъ багажъ путешественника, и садится самъ путешественникъ, если онъ не мастеръ или почему либо не смѣетъ взобраться на спину тощей вляченки. Вотъ и все незамысловатое устройство «смычковъ». Экипажъ, какъ видите, самый первобытный, примитивный, употреблявшійся, вѣроятно, когда-нибудь еще въ доисторическія времена, а между тѣмъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ—это почти единственный, болѣе всего распространенный и самый удобный по здѣшнимъ дорогамъ экипажъ. Такой же точно экипажъ предложили мнѣ, и я, кой-какъ примостившись на немъ со своимъ чемоданомъ, потарахтѣлъ въ Чудской край, знакомиться съ его жителями.

Лодейнопольская Чудь, какъ я уже сказалъ, живетъ по теченію рѣки Ояти, притившись между высокими горными хребтами, тянущимися вдоль этой мелководной, порожистой рѣченки. (Оять—отъ Чудскаго или Корельскаго слова «оја»—ручеекъ, канава). «Въѣдешь на Оять, такъ и свѣту болѣе не видать»—говоритъ мѣстная пословица, какъ нельзя лучше опредѣляющая характеръ и условія этого края. И дѣйствительно, едва-ли скоро сыщется гдѣ въ другомъ мѣстѣ болѣе глухой медвѣжьей уголокъ, чѣмъ Чудской край на Ояти. Здѣсь нѣтъ ни проѣзжихъ дорогъ, ни верстовыхъ столбовъ, «ни проѣзду, ни ключаго переходу»,—пробрайся какъ знаешь и какъ умѣешь. Высокія горы плотно обступили рѣченку и надежно защитили ея жителей отъ вліянія остальнаго міра. Здѣсь на большое чудо встрѣтите вы печатное слово, найдете какую-нибудь книжку или услышите интересную новость, волнующую всякаго человѣка, живущаго въ обществѣ и чувствующаго съ нимъ свою органическую связь. Вѣсти приходятъ сюда самыя запоздалыя и при томъ съ такимъ трудомъ, какъ бы онѣ вышли съ того свѣту. Такъ, извѣстія о коронаціи или смерти Государя доходятъ сюда не раньше, какъ мѣсяць или полтора спустя, и при томъ черезъ столько устъ и въ такомъ извращенномъ видѣ, что, наконецъ, пересташь даже вѣрить переданному слуху и терпѣливо ждешь того счастливаго случая, когда будешь имѣть возможность прочитать газету и провѣрить слухъ печатнымъ словомъ. И причиной этого не дальность разстоянія, а отсутствіе всякихъ проѣзжихъ дорогъ, а отсюда естественно и отсутствіе почти всякихъ проѣзжихъ. И живутъ люди въ такихъ уголкахъ, живутъ иногда всю жизнь до самой смерти, ни разу почти не перебравшись черезъ свои горы, не интересуясь ничѣмъ, что не имѣетъ самаго ближайшаго отношенія въ ихъ хозяйству. Жизнь чудянъ или «чухарей, кайвановъ», какъ называютъ ихъ здѣсь русскіе, мало чѣмъ отличается отъ жизни корель. Обряды и обычай

въ большинствѣ случаевъ здѣсь тѣ же самыя, что у корель Олонецкаго и Петро-заводскаго уѣздовъ, за небольшими только разностями, не имѣющими, правда, существеннаго значенія. Языкъ «чухарей» также мало отличается отъ корельскаго: себя они называютъ *ljuvdiköt*, а языкъ свой *ljuvdikön keli*,—такъ же точно, какъ называютъ себя корелы. Чухари живутъ бѣдно, въ маленкихъ избенкахъ, крытыхъ соломой; невѣжественны и въ нравственномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже корель; всѣ они любятъ пить водку и держатся не особенно высокихъ понятій о цѣломудренности и супружеской вѣрности. Дѣвушка 15—16 лѣтъ непременно заводитъ для себя «бесѣдника», съ которымъ въ большинствѣ случаевъ состоитъ въ интимной связи; замужнія женщины также свободно измѣняютъ своимъ мужьямъ, и такое поведеніе вслѣдствіе своей обычности, заурядности не обращаетъ на себя особеннаго вниманія и не разстраиваетъ семейнаго міра: «*Ka hjanel on oma duscha*»—Да у него, т. е. у мужа есть своя душа—любовница. И такой порядокъ вещей, мнѣ кажется, можетъ быть объясненъ, если не вполне, то по крайней мѣрѣ—отчасти, вліяніемъ здѣсь помѣщичьей жизни... Оятскіе помѣщики, если и не принесли другой какой пользы мѣстному крестьянству, за то порядочно таки развратили его...

Я прожилъ въ Чудскомъ краѣ почти все лѣто, съ іюля мѣсяца и до половины августа, и за это время успѣлъ посѣтить много деревень, расположенныхъ въ большинствѣ случаевъ по теченію рѣки Ояти или не далеко въ сторонѣ отъ нея—въ уѣздѣ Лодейнопольскомъ и отчасти Тихвинскомъ Новгородской губ. (Люговичи, Сюрга, Чука, Мальгиничи, Шутиницы, Быкова гора, Русконицы, Шапша, Агашова, Койжема, Юбеничи, Букасъ, Рати-гора, Мусть-оя, Погья, Верхнее Тойвино, Нижнее Тойвино, Мириничи, Мустиничи. Подборье верхнее и нижнее, Надпорожье, Боръ, Ямка, Семова гора, Власковы, Нижне-Конная и Верхне-Конная, Кривошейная, Войновщина, Никифоровщина, Лутохино, Корышевъ Ручей, Панчукова, Берегъ, Ярославичи, Норьино, Ниргиничи, Киницы, Каргиничи, Печеницы, Семкина гора, Кекозеро, Ладвозеро, Магозеро, Мутнозеро...); во время этихъ странствованій я успѣлъ записать: 1) сто слишкомъ загадокъ, 2) причитанья свадебныя и похоронныя, 3) нѣсколько пѣсенъ, правда, не представляющихъ особаго интереса по своему содержанію, 4) нѣсколько заговоровъ, 5) сдѣлалъ описаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ и 6) записалъ, насколько позволило время и мое умѣнье, грамматическія особенности чудскаго языка.

А теперь, кстати, я желалъ бы познакомить почтенное собраніе съ однимъ любопытнымъ явленіемъ, которое пришлось мнѣ наблюдать въ описываемомъ краѣ, — познакомить съ здѣшнимъ дворянствомъ — помѣщиками,

когда-то державшими въ своихъ рукахъ мѣстное населеніе. Въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ живутъ нѣсколько дворянскихъ родовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ 19 февраля и раскиданныхъ теперь по здѣшнимъ селамъ и деревнямъ, и составляющихъ иногда цѣлыя поселки (напр., Лугохино Ярославскаго пог.; оно состоитъ исключительно изъ жителей—бывшихъ помѣщиковъ). Предки этихъ помѣщиковъ, вѣроятно, были служилые люди, получившіе когда-то въ давно минувшее время за свои услуги—жалованную грамоту, нѣсколько крѣпостныхъ душъ крестьянъ и добрый участокъ земли. Мѣста на Ояти были захолустныя (они и теперь не лучше), и въ количествѣ подарка въ тѣ времена не стѣснялись: нарѣзывали вдоволь и пахатной и сѣнокосной земли, отмежевывали лѣса и кетати прихватывали озеро или часть рѣки для рыбной ловли. Бѣлоглазые чудяне исправно работали своимъ «боярамъ», аккуратно платили оброки, ходили на барщину, и помѣщикамъ жилось хорошо. Они, по рассказамъ старожиловъ, устраивали званые обѣды съ музыкой и танцами, охотились съ многочисленной сворой собакъ и доѣзжачихъ, и вообще веселились, какъ только могли и умѣли, хотя и приходилось въ силу обстоятельствъ жить въ такомъ дикомъ, захолустномъ краѣ. Барскія постройки отличались красотой и вычурностью и занимали самыя живописныя, самыя красивѣйшія мѣстности, тѣмъ болѣе, что въ такихъ мѣстахъ на Ояти недостатка нѣтъ. Но насталъ конецъ такому безпечальному житію. 19 февраля рѣзко, какъ-то однимъ взмахомъ, покончило съ прежними порядками, и дворяне остались на своихъ земляхъ безъ рабочихъ рукъ, неспособные къ работѣ, не умѣющие толкомъ взяться за трудъ. Что было дѣлать помѣщикамъ?.. Понемногу пошли въ продажу за безцѣнокъ лѣса, рощи, чуть ли даже и не самыя сады. Стали продавать на словъ лишнія пристройки, вычурныя бесѣдки, пустыя конюшни и псарни, когда въ нихъ не стало ни лошадей, ни собакъ. И такимъ образомъ мало по малу, годъ за годомъ, барство опускалось, бѣднѣло и постепенно приближалось къ состоянію прежнихъ своихъ холоповъ—крестьянъ. А наряду съ бѣдностью постепенно понижался и ихъ умственный и нравственный уровень: дѣтей нужно было учить, но отправить ихъ въ городъ въ школу—не хватало средствъ, а тѣмъ болѣе—нанять учителей-гувернеровъ на домъ. Дѣти бѣгали по улицамъ, проводили время своего возраста весело, но за то оставались круглыми невѣждами, въ рѣдкихъ только случаяхъ умѣющими читать и писать.

И такимъ образомъ, мало по малу, отъ крестьянъ оятскіе дворяне стали отличаться только запонкою на рубашкѣ да названіемъ «бояръ», которое продолжало еще кружить имъ головы. Я вкратцѣ попытаюсь познакомить почтенное собраніе съ теперешнею жизнью этихъ дворянъ, насколько я успѣлъ

самъ узнать се, живя нѣсколько времени среди нихъ, въ одномъ изъ дворянскихъ соленій. Деревня эта—Мутнозеро, въ верстахъ 35 отъ села (Ярославичи) и болѣе чѣмъ за 100 верстъ отъ уѣзднаго города (Лодейное Поле),—деревенька глухая, дикая, почему-то расположенная на окраинѣ большаго, всегда сырого болота... Какъ будто лучшаго мѣста не могли сыскать...

Деревня была пуста, когда я въѣхалъ въ нее; и я съ большимъ трудомъ могъ отыскать домъ того самаго помѣщика, у котораго мнѣ порекомендовали остановиться. Домъ помѣщика, гдѣ я остановился, былъ также бѣденъ и грязенъ, какъ и остальные дворянскія избы. Въ нее вела лѣстница, состоявшая изъ нѣсколькихъ досокъ, съ набитыми поперекъ ихъ планками. Черезъ сѣни, въ которыхъ, по мѣстному обычаю края, было очень много иконъ, я вошелъ въ избу. Меня встрѣтило нѣсколько дѣтей, которыя, при видѣ незнакомаго имъ человѣка, начали прятаться за свою старую няньку—«пѣстунью». Внутренность комнаты была самая обычная, какъ и во всѣхъ крестьянскихъ избахъ; вдоль стѣнъ стояли лавки; у середины одной изъ нихъ, приставленной къ лицевымъ окнамъ, стоялъ столъ. Почти треть избы занимала печка. Надъ нею былъ дымоходокъ. Потолокъ черный, закоптѣлый отъ дыму. Къ печкѣ примыкали полаты, и отъ нихъ вокругъ стѣнъ шли воронцы. Въ углу, противъ печки, который называется «бабьимъ», по лавкамъ было разбросано нѣсколько вещей изъ крестьянскаго гардероба: валялась синяя бабья юбка, лапти и сѣрый понитокъ. Въ углу, на особой подставкѣ, была прикруплена бутылка, повернутая горлышкомъ внизъ и заткнутая деревяннымъ гвоздемъ—пробкой; она должна была замѣнять рукомыльникъ. Пахло печенымъ хлѣбомъ и специфическимъ запахомъ дѣтей. Вотъ и все убранство избы... День былъ ясный, солнечный, и дворяне-хозяева были на работѣ. Я прошелся было по деревнѣ, но ничего, сравнительно съ крестьянскимъ житьемъ, не замѣтилъ. Здѣсь тѣ же маленькія избенки, съ подслѣповатыми окнами, крыши, крытыя соломой; у каждой избы небольшой огородъ, гдѣ растутъ рѣдька, брюква, капуста и лукъ; на изгороди развѣшено для просушки нижнее бѣлье изъ грубаго холста—точива, вынесены на солнцепекъ постели, набитыя соломой. Въ деревнѣ было пусто, тихо и только кой-гдѣ попадались мальчишки, копавшіеся вмѣстѣ съ курицами въ теплой пыли. Но вотъ, наконецъ, жаръ свалилъ; время стало подвигаться къ вечеру, и на улицахъ стали показываться поселяне: кто шелъ съ граблями, кто шелъ съ косой... Деревня постепенно стала оживляться. Мальчишки съ крикомъ бѣжали на встрѣчу матерямъ, шедшимъ съ поля или изъ лѣсу и тормозили ихъ, прося ягодъ: «мамка, а мамка, несешь ли ягодъ?.. мамой, дайка мика ягодъ»... Дворянки ничѣмъ не отличались отъ крестьянокъ здѣшняго края.

Онѣ были одѣты въ синіе крашенные сарафаны или платья изъ дешеваго цвѣтнаго ситцу. Высокія, костистыя, неряшливо одѣтыя, съ грубыми манерами и грубою, бранчивою рѣчью — онѣ производили весьма непріятное, тяжелое впечатлѣніе. «Ой ты, окоянной, фсфѣла ты, шкура барабанная, стерва, шлюха мокрехвостая» — слышалось повсюду, по всѣмъ закоулкамъ изъ устъ чѣмъ-то раздраженныхъ дворянокъ - боярынь. Возвратился, наконецъ, съ работы и мой хозяинъ, одинъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. На немъ былъ бѣлый понтокъ, лапти, овчинная шапка, носа за плечами и топоръ за поясомъ. «Дунька», слышно было, какъ говорилъ онъ въ сѣняхъ своей дочери, — поди-ка-снеси на огороду лапти да онучи, пусть немного присохнуть къ завтраю». Въ избу вошелъ онъ босикомъ, какъ-то слѣпая сырими ногами по полу, въ однихъ портахъ, бѣлой холщевой рубахѣ, — и, увѣренъ, что никому ни за что не пришло бы и въ голову, что это передъ вами — дворянинъ, потомокъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Ужинъ дворянина былъ скуденъ и состоялъ изъ одного картофеля съ солью. Наголодавшіеся за цѣлый день ребята и взрослые ѣли съ апетитомъ и не находили нужнымъ даже очищать эти пищевые корни отъ верхнихъ покрововъ. Мы разговорились съ хозяиномъ, и изъ бесѣды съ нимъ я узналъ, что онъ человѣкъ совсѣмъ неграмотный и за бѣдностью и «недостатками» не могъ дать даже начальнаго образованія своимъ дѣтямъ. У него молъ одна лошадь, да и та съ изъяномъ: немного прихрамываетъ; одна коровенка съ нетелвой, нѣсколько штукъ овецъ, — вотъ и все хозяйство помѣщика, владѣющаго между тѣмъ довольно большимъ участкомъ земли.

«Да вѣдь у васъ же земля есть, и земля, кажется, по здѣшнимъ мѣстамъ не самая что ни на есть плохая»...

— Это правда, земли вдоволь, даже лишку есть, десятинъ 200—250 на мою долю приходится; да что толку въ землѣ пустой, безъ средствъ когда за нее взяться не съ чѣмъ... Чтобы держать землю да съ пользой, — нуженъ капиталъ, а у меня, слава тѣ, Господи, — нѣтъ иногда за душой гроша мѣднаго. Съ землей нужно перво-наперво имѣть скотину, работниковъ, сѣмена, а у меня нѣтъ ни того, ни другаго... Наша земля любитъ удобреніе, любитъ, чтобы возжались около нея, старались, а такъ, братъ, безъ этого — ничего-о-шеньки отъ нея не получишь...

«А въ аренду если сдать еѣ»... пытался я поддерживать разговоръ на эту тему.

— Въ аренду?.. это хорошо говорить только... а попробуйте-ка сдать еѣ; да во первыхъ никого не слышите, кто бы взялъ еѣ... Ну, предложите любому въ нашемъ околедѣ мужику — взять дворянскую землю въ аренду, да если найдется кто, такъ не будь я... Никто не возьметъ, увѣряю васъ,

земли запущенныя... въ пустошахъ давно; обросли лѣсомъ; съ ними возни-то вѣдь,—не приведи, Господи... Да потомъ,—зѣ чѣму нашему мужику земля?.. ему врядь только со своей справиться; народъ-то тоже — не чище нашего брата,—голь перокатная; ему, значить, и не рука землю брать. Да потомъ... Мужикъ ищетъ землю поближе къ себѣ, чтобы, значить, подъ бокомъ земля была, а тутъ изволь-ка шагать верстъ за 8—10, такъ какъ ни дешева земля будъ, неволью откажешься отъ ней...

«Такъ, значить, земля ваша и пустуетъ?»..

— Да, что же подѣлаешь?.. пустуетъ... Самому не справиться. Сдаемъ немного, правда, Лодейнопольскому мѣщанину, такъ, немного—десятинь 30—40, пожалуй, будетъ, и получаемъ за это сунце пустяки...

«Сколько же такъ приблизительно?»..

— Да на горячее семьѣ не хватаетъ. Такъ вотъ тутъ и сдавай въ аренду.

«Сколько же это точиѣ, въ рубляхъ?»..

— Пустяки... стыдно сказать...

И какъ я ни упрашивалъ, дворянинъ почему-то, заупрямься, не захотѣлъ сказать цѣну получаемой имъ арендной платы... Только, кажется, какъ узналъ я потомъ на сторонѣ, эта плата не превышала перваго же десятка.

«А отъ продажи лѣса—приблизительно такъ—сколько выручаете?»..

— Лѣсъ,—дворянинъ какъ-то горько хихикнулъ,—да про лѣсъ кто у насъ вспомнить, такъ обычно говорятъ: лони баба п....., да нонѣ вспомнила... Лѣсу-то у насъ и въ слыхахъ нѣту... весь ужъ продали. Остался самый что ни на есть негодящескій—менда ¹⁾... Не берутъ, а то и тотъ продали бы... Да вотъ — пока лѣсу-то хватало, до тѣхъ поръ и жили хорошо... себя не стѣсняли... Да видишь, не надолго его хватило, продали весь безъ остатку. Теперь и горюй. Теперь дрова-то и для себя, такъ съ поискомъ... Ѣздишь, Ѣздишь въ зимній-то день, да едва-едва насобираешь возикъ тонкаго березняку... Гдѣ ужъ тутъ продать?.. Конечно, есть и такіе между нами дворяне,—вотъ хоть бы Юрьевъ-Шевюсъ (фамилія одного изъ дворянъ Ярославскаго погоста), лѣсу у нихъ и по сейчасъ есть; а поди продавать, такъ не больно наши лѣсопромышленники расщедрятся.. Потому—видать, что человекъ не съ богатства, а съ нужды продаетъ, ему деньги нужны... Ну вотъ, сколько назначать, то и ладно... Назначать, примѣрно, за ропу 100—200 рублей, и бери да поблагодари еще его, а дровъ между про-

¹⁾ Мелкій лѣсъ, растущій въ большинствѣ случаевъ на сырыхъ мѣстахъ.

чимъ — въ этой самой роцѣ рублей на 1000 будетъ. А скажешь лѣсопромышленнику: мало... такъ у него одинъ отвѣтъ: ищи больше; я твоего лѣсу, говорить, насильно не беру; поди, поди, братецъ-дворянчикъ, ищи больше... Да радъ будешь, что хоть бы то далъ... Лѣсной торговлей у насъ занимаются немногіе, одинъ, два — вотъ и все... Ну, и дѣйствуютъ сообща. Назначать что, — и крышка... Отдавай, значить, за тое...

— «Ну, а скажите, какъ, по какимъ цѣнамъ землю вы продаете?»...

— Землю продаемъ?.. да, по всякимъ цѣнамъ. Земля землѣ тоже рознь... Есть у меня тутъ участочекъ и недалечко совсѣмъ, — десятина 10—15 будетъ, такъ я вамъ уступилъ бы, пожалуй, рублей за 10; только составить купчую вы ужъ возьмете на себя — и всѣ тамъ расходы, предвидѣнные и непредвидѣнные... Право слово, — рублей за 10 уступилъ бы; потому участокъ этотъ — болотина; мнѣ онъ совсѣмъ не нуженъ; тамъ только мохъ одинъ да морошка растеть, а лѣсу-то и сажень десяти не соберешь, — и лѣсъ-то все «менда», паршивый, никуда не годящійся. А такъ, посредственная земля ходить отъ 3 и до 5 рублей за десятину. За 5 рублей можно достать очень хорошей по здѣшнимъ мѣстамъ земли. Тутъ вамъ, если захотите, и покосовъ нарѣжутъ; покосы у насъ, признаться, хорошіе. Сѣна все больше растутъ «земляныя»; не осока тамъ какая-нибудь, а все больше цвѣточки; за то какъ выкосить да высушить его хорошенько, такъ, — скажу вамъ, — духъ отъ него, что отъ чаю; лучше малины пахнетъ... Такъ вотъ опять наше горе — дѣвать-то этихъ сѣновъ некуда... Хоть и покосилъ бы иногда что тамъ полишнее, тамъ обороту-то никакого съ нимъ не сдѣлаешь... Продать его некому. До города везти далеко; да попробуйте-ка пилить въ наши горы возъ, хоть пудовъ 20—25?.. Такъ это сѣно станетъ въ кошечку... Вѣдь лошаденку-то, чай, всю въ доскъ измучите. Видѣли вы сами дорогу, рассказывать нечего; а горы-то и зимой вѣдь не сравниваются. Однимъ словомъ, бѣда въ нашемъ мѣстѣ и съ землей, — заключилъ дворянинъ, — и съ землей живучій пропадешь ни за что. Пить, ѣсть тоже нужно, обувь-одежа — такова же; а вѣдь ни откуда ничего не приходитъ. Все отъ той же земли смотришь; а она, кормилица, даетъ-даетъ, да иногда бываетъ, что и заупрямится. Вотъ прошедшіе-то годы, — и у насъ вѣдь былъ тоже голодъ. Изъ другихъ голодныхъ мѣстъ такъ хоть по крайней мѣрѣ въ газетахъ пропечатали, обратили вниманіе добрыхъ людей, а у насъ кому писать?.. Такъ вотъ хоть ложись и умирай... Помощи ждать не отъ кого... Ну и потерпѣлись же мы тогда... хоть въ работникахъ идти, такъ семью нельзя никакъ оставить безъ себя.. Ну, помилуй Богъ еще мѣстнаго батюшку; онъ тогда взялъ на прокормъ ребятишекъ и цѣлую зиму кормилъ даромъ — по